

И Флянов, не совсем здоровый,
На стульях улеглись в столовой,
А на полу мосье Трике <...>

[7, т. 6, с. 117]

Особый, строго очерченный топос представлен в сне Татьяны. Ему сообщены сказочные, мифологические черты [10, 11]. Сперва Татьяна идет по снежной поляне, как бы продолжающей мир действительности. Затем ей встречается бурный ручей — в сказке это граница иного мира. Татьяна перебирается через него при содействии медведя — чудесного помощника. Она оказывается в лесу, который, согласно мифологическим представлениям большинства народов, является местопребыванием враждебных человеку сил [12, т. 2, с. 49]. Чудесный помощник доставляет ее в шалаш — сказочную избушку, изображенную с помощью амплификации и редукции [13, с. 162—163], как это большей частью свойственно русской волшебной сказке.

В 1824—1826 гг. в с. Михайловском Пушкин слушал народные сказки в исполнении Арины Родионовны. Часть из них сохранилась в его записи. Наиболее явно отразились они в зачине «Руслана и Людмилы» («У лукоморья дуб зеленый...») и в сказках поэта. Естественно, что сказочные образы и мотивы введены в гл. 5 «Евгения Онегина», написанную в 1826 г. На близость сна Татьяны к пушкинской сказке «Жених» указывает Б. В. Томашевский [14, т. 2, с. 99].

Топос сна Татьяны — это пересозданный по законам народной сказки мир деревенской идиллии. Если мир деревенской идиллии изображен объективно, то во сне, в соответствии со сказочной поляризацией добра и зла, оставлены почти одни отрицательные коннотации. Топос сна Татьяны противопоставлен, таким образом, топосу Деревни.

В топосе Петербурга важную роль играет Нева. Петербург в романе — это прежде всего город на Неве. Онегин родился на берегах Невы; ночью он задумчиво стоит, опершись на гранит набережной; Татьяна становится *неприступною богиней/Роскошной, царственной Невы*; во время последней поездки к Татьяне для решительного объяснения Онегин *Несется вдоль Невы в санях* [7, т. 6, с. 6, 25, 177, 185]. Без ручьев, ручейков, рек не обходится ни один пейзаж в топосе Деревни. Едва Онегин переселился в имение, доставшееся ему после смерти дяди, как его внимание привлекло *Журчанье тихого ручья*; господский дом *Стоял над речкою*; в романе, который мечтает написать Автор, встречи влюбленных будут происходить у ручейка; поединок происходит возле реки, и Ленский ждет Онегина, опершись на плотину [7, т. 6, с. 27, 31, 57, 128]. Подобных примеров можно было бы привести значительно больше.

Обилие проточных вод, струящихся вблизи могилы Ленского, особенно знаменательно. Она соседствует с ключами, ручейком, ручьем, рекой [7, т. 6, с. 134, 141]. Это напоминает еще об одной реке, неоднократно упоминаемой в романе. Поэты постоянно спорят с Летой о том, удастся ли им избежать ее власти. В конце гл. 1 Автор говорит:

Иди же к невским берегам,
Новорожденное творенье,
И заслужи мне славы дань:
Кривые толки, шум и брань!

[7, т. 6, с. 30]

В конце гл. 2, в авторском отступлении высказана надежда: *Быть может в Лете не потонет Строфа слагаемая мной* [7, т. 6, с. 49]. Пожалуй, это одна и та же река, только в разных измерениях. Авторское отступление в конце гл. 2 находится в зоне сознания Ленского, и вот Ленский перед поединком с грустью пишет, что *память юного поэта/Поглотит медленная Лета* [7, т. 6, с. 126]. Наконец, *за могилой <...> над Летой*